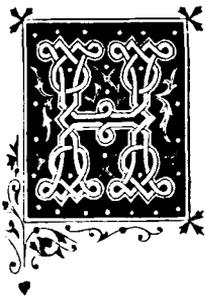

НАРОДНЫЙ УМЪ ВЪ ПОСЛОВИЦАХЪ И ПОГОВОРКАХЪ.

НАРОДНОЕ творчество представляет богатѣйшій матеріаль для многихъ изслѣдованій, бросающихъ такой яркой свѣтъ на всѣ стороны народной жизни, что, безъ сомнѣнія, никакая историческая критика подобнаго свѣта не бросить и не уяснить множества вопросовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ ознакомленію съ народомъ. Непомѣрно богаты глубокимъ внутреннимъ содержаніемъ наши пословицы. Онѣ рисуютъ намъ въ яркихъ чертахъ, необыкновенно образно, практическую мудрость народа, его самые задушевные взгляды на добро, зло, правду, истину, его возрѣнія на многіе общественные вопросы, семейную жизнь, родство, на женщину, какъ жену и мать; короче — нѣтъ житейскаго явленія, котораго не захватила бы въ свой кругъ пословица.

И такъ, къ дѣлу. Пословица не мимо молвится, а если она не мимо молвится, то и стоитъ того, чтобы поговорить о ней. Въ ней скажется многое, о чемъ мы, по отношенію къ мужичку, не думали, не гадали; скажется, что мужикъ кое-что и понимаетъ не хуже тѣхъ, такъ называемыхъ образованныхъ людей, для которыхъ съ понятіемъ о сермягѣ соединяется что-то не совсѣмъ пріятное, не совсѣмъ приличное и подчасъ положительно грубое, а, пожалуй, и глупое. Постараемся доказать, опираясь на пословицы, что мужикъ сознаетъ свое человѣческое и гражданское значеніе и прекрасно понимаетъ, что цѣна ему не грошъ, а немного побольше.

Прежде всего, онъ смѣетъ думать, что хотя кафтанъ у него и сѣръ, да умъ-то не чортъ съѣлъ; во-вторыхъ, онъ понимаетъ

свою силу, какъ членъ общества; понимаетъ, что мѣръ, составляющійся изъ отдѣльныхъ членовъ, — великъ человѣкъ; мѣръ заревѣтъ, такъ лѣсы стонутъ; мѣръ зинетъ — камень треснетъ; на мѣръ суда нѣтъ; мѣръ одинъ Богъ судитъ; гдѣ народъ увидитъ, тамъ и Богъ услышитъ. Какая великая историческая правда звучитъ въ пословицѣ: въ народѣ что въ тучѣ: въ грозу все наружу выйдетъ.

Народъ твердо помнитъ свое прошедшее; помнитъ своихъ прежнихъ баръ и чиновниковъ, ибо говорятъ, что не столько впереди Божьихъ дней, сколько барскихъ затѣй. Кромѣ того, память о барской жизни сохранилась въ такихъ словахъ: раздѣнь меня, разуй меня, уложи и покрой меня, переверни, перекрести, — а тамъ, поди, усну я самъ. Право, вѣдь недурно выражена исторія нашего барства, хотя бы и образованному человѣку такъ въ пору, не въ обиду будь сказано. Мало ли что понимаетъ нашъ сбѣрякъ; онъ, въ добрый часъ сказать, понимаетъ, что коли не будетъ лапотника — не будетъ и бархатника; но, всетаки, по-своему, какъ знаетъ, отдастъ всю честь барамъ, или бархатникамъ, ибо выражается: бары-те крупчатые, да сдобные, а мужики ржаные, да съ закаломъ; вы сахарнички, медовички, мы мякиннички, толоконнички.

Не слѣдъ сердиться на мужика, если онъ подчасъ неладно скажетъ про барина, ибо что было, то прошло и травой заросло; тѣмъ болѣе, что насъ простыхъ, какъ онъ говоритъ про себя, и Богъ проститъ; да, затѣмъ, и то правда, что мужикъ знаетъ, кто на него лаеетъ. Гдѣ ему, сбѣрому, понимать разныя тонкости! Безпричинно слово молвится и, если молвится не въ добрый часъ, то, значить, пережито что-то неладное, тяжелое. Историческія причины сложили пословицы: хвали рожъ въ стогу, а барина въ гробу; душа у мужика Божья, голова царская, а спина барская; безъ индѣйскаго пѣтуха и борзаго кобеля — не помѣщикъ. Такъ оно и было дѣло: памятны народу эти борзые кобели, съ гамомъ, свистомъ и всякими охотническими потѣхами. Ничего не скажешь противъ такой памяти, какъ ничего не скажешь противъ исторической правды.

Сохранила народная память старый нашъ судъ, со всей его великой неправдой и волокитой. Помути Богъ народъ — накорми воеводъ; не судись: лапоть дороже сапога станеть; гдѣ судъ, тамъ и неправда; судейскій карманъ — что поповское брюхо (или: что утиный зобъ); судья въ судѣ — что рыба въ прудѣ. Къ древнимъ поговоркамъ относятся: это Шемякинъ судъ! дьякъ у мѣста — что кошка у тѣста; а какъ дьякъ на площади — то Господи прости! земля любитъ навозъ, лошади овесъ, а воевода приносъ.

Нельзя пропустить безъ вниманія старинныхъ юридическихъ

поговорокъ, имѣющихъ отношеніе къ древнимъ суду и судопроизводству. Всѣ онѣ въ свое время составляли законы: холопъ на боярина не послухъ; холопъ на холопа—послухъ (свидѣтель); братъ брату головой въ уплату. Эта послѣдняя напоминаетъ о сѣдой древности, о томъ времени, когда существовало право мести. На дѣлѣ правъ, да на дыбѣ виноватъ. Ясный остатокъ отъ времени пытки, въ которой дыба играла такую выдающуюся роль, какъ, равнымъ образомъ, и выраженіе узнать всю подноготную, ибо къ видамъ пытки принадлежало и забиваніе под ногти маленькихъ желѣзныхъ гвоздиковъ. Чья земля, того и городба; чья земля, того и хлѣбъ; чей берегъ, того и рыба; чей конь, того и возъ. Такой юридическій взглядъ на упомянутую собственность до сей поры крѣпко и неизмѣнно держится въ народѣ. Кому мужъ, тому и жена (по крѣпостному праву). Такъ смотрѣлъ на дѣло народъ, хотя по закону, сколько помнимъ, свободная женщина, выходящая замужъ за крѣпостнаго, сохраняла право личной свободы, т. е. помѣщику не принадлежала. Чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе (т. е. право, владѣніе). На этой юридической формулѣ до сей поры весь крестьянскій міръ стоитъ твердо, неуклонно. Крестьяне не знаютъ и не хотятъ знать другаго основанія для поддержанія своихъ правъ, на примѣръ, на извѣстную землю, чѣмъ и объясняются многія волненія въ народѣ, не умирающія до сей поры. — Знать ничего не знаемъ,—говорятъ они:— на этой землѣ искони сидѣли наши дѣды и отцы, т. е. чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе. Безъ кабалы не держи,—остатокъ древнихъ кабалныхъ записей. Бояринъ отвѣчаетъ въ винѣ головою, а князь удѣломъ, — живое напоминаніе о преобладающемъ вліяніи Москвы надъ удѣльными князьями, съ которыми, какъ извѣстно, Бѣлокаменная не церемонилась, а строптивые бояре удѣльныхъ княжествъ дѣйствительно отвѣчали головой предъ московскими князьями. Меньшой сынъ на корню сидитъ (въ крестьянствѣ наследуетъ домомъ). Искони вѣковъ въ народѣ строго блюдется этотъ законъ, о которомъ упоминается въ Русской Правдѣ. Кто въ судѣ съ кѣмъ, тотъ и споруется съ тѣмъ (т. е. истецъ и отвѣтчикъ равны),—равенство предъ закономъ всѣхъ лицъ. Хоть въ орду, такъ пойду (т. е. судиться). Дѣло по дѣлу, а судъ по формѣ (старая юридическая формула, выработанная приказными). Къ позднѣйшему времени, когда получило сильное развитіе бумажное судопроизводство, столь ненавистное народу, относится слѣдующая поговорка: не великъ клочекъ, да въ судъ волочетъ. Много долженъ былъ народъ пережить страшной неправды чтобы создать поговорку: неправдой судъ стоитъ. Неправда чиновничья, приказные и подьячіе особенно крѣпко живутъ въ памяти народа, доказательствомъ чего служитъ цѣлый рядъ поговорокъ. изъ которыхъ нѣкоторыя отзываются глубокой стариной:

Приказный за перо возьмется — у мужика мошна и борода трясется; подьячимъ и на томъ свѣтѣ хорошо: умереть — прямо въ дьяволы; кто съ ярыжкой поводится, безъ рубахи находится (очень старая: земскіе ярыжки упоминаются при первыхъ царяхъ въ Москвѣ); козелъ да приказный — бѣсова родня; бойся худаго локтя да свѣтлой пуговицы; приказная строка, приказный крючокъ. Но и при этой глубокой ненависти къ приказному народъ хочетъ быть справедливымъ, ибо говорить: ино и за свѣтлою пуговкой душа живеть.

Замѣчательно также и то обстоятельство, что никакія тяжелыя, невыразимо грустныя историческія событія, тяготѣвшія надъ народомъ цѣлые вѣка, не могли убить въ немъ вѣру въ силу правды, вѣру въ ея великое нравственное значеніе, что видно изъ поговорокъ: хороша правда, да въ дѣло не годится; поставитъ къ образамъ да на нее Богу молиться, т. е. хотя люди и не живутъ по правдѣ, но святая правда остается святой, ибо правдой міръ стоитъ и Мамай правды не съѣлъ. Все истребилъ страшный Мамай, все разорилъ въ конецъ, но правды не съѣлъ, правда осталась на землѣ. Хоть бы всѣ законы пропали, только бы люди правдой жили. Можно ли лучше, вѣрнѣе понимать святость правды, ея великое значеніе въ дѣлахъ человѣческихъ?

Мужикъ въ своихъ пословицахъ и поговоркахъ не обходитъ и себя, доказывая, что онъ умѣетъ приглядываться къ движеніямъ своего внутренняго міра: сохрани Богъ отъ мора, пожара да отъ нашего брата, когда угодитъ въ бара. Не по сердцу народу, какъ мы видимъ, свой братъ, угодившій въ бары, не по сердцу ему и тѣ изъ его собратьевъ, которые въ старое время составляли барскую дворню. Свой человѣкъ дѣлался не своимъ, мужикъ, да не тотъ, ибо лакейство, барская служба сказала на его природѣ: мужичья кость, да собачьимъ мясомъ обросла; языкомъ тарелку (барскую) проломилъ; поднось насквозь пролизалъ; ужъ виденъ холопъ: серьга въ ухѣ; хамово отродье; хамье — локало.

Никакія пережитыя народомъ событія не могли убить въ немъ убѣжденія, котораго не было и не могло быть у дворовыхъ, что баринъ ты — баринъ, да и я не татаринъ, что у мужика шуба хоть овечья, да душа человѣчья, хоть сыромятна, а все душа.

Знаетъ мужикъ и свою физическую природу, потому и говорить хотя не совсѣмъ деликатно, но не безъ основанія: въ мужицкомъ брюхѣ долото сгниеть; крестьянское горло — суконное бердо: все мнетъ; мужикъ съ однимъ яйцемъ коровай хлѣба съѣстъ, но бѣда въ томъ, что брюхо — злодѣй: стараго добра не помнить. Говорятъ, что народъ не имѣетъ понятія о самыхъ обыденныхъ гигиеническихъ правилахъ, не хочетъ,

дескать, звать больницы и лѣкарей. Но дѣло въ томъ, что онъ отвергаетъ больницы и лѣкарей не въ принципѣ, а потому что знаетъ, какъ лѣчать и ходятъ въ больницахъ именно за нимъ, вслѣдствіе чего и лѣчится у своихъ знахарокъ. Мужикъ охотно идетъ въ ту больницу, гдѣ врачи и начальство успѣли создать о себѣ добрую молву, что можно подтвердить фактами изъ дѣятельности нѣкоторыхъ земствъ. Здоровье дороже богатства, ему цѣны нѣтъ; живи просто, проживешь лѣтъ со сто; гдѣ пиры да чай, тамъ и немочи; послѣ обѣда полежи, а послѣ ужина походи; держи голову въ холодѣ, брюхо въ голодѣ, ноги въ теплѣ; и хорошая аптека убавитъ вѣка. Развѣ въ этихъ поговоркахъ не слышна, не видна самая здоровая гигиена? Развѣ оспорить ее какой бы то ни было хотя лучшей изъ врачей? Слишкомъ долго было бы говорить о причинахъ, побуждающихъ народъ дѣйствовать вопреки взглядамъ, которые онъ усвоилъ на то или другое дѣло. Тема—безконечная, выходящая изъ предѣловъ нашей статьи.

Нѣтъ необходимости доказывать азбучную истину, что не-красна была жизнь нашего народа; кажется, ему было не до смѣху, не до зубоскальства, а на дѣлѣ выходитъ, что онъ не только смѣется надъ другими національностями, но, что всего замѣчательнѣе, смѣется самъ надъ собой, и надъ собой чуть ли не злѣе, чѣмъ надъ другими. Вообще же онъ зубоскалитъ безобидно, безъ малѣйшаго ехидства; зубоскалитъ потому, что потребность къ пересмѣшкѣ составляетъ неотъемлемый элементъ его природы, котораго не убили, да и не могутъ убить никакія тяжкія испытанія. Нашъ народъ глубоко сознаетъ, что безъ смѣху пришлось бы плохо на бѣломъ свѣтѣ; мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, съ ума не сойдешь. Пораскиньте умомъ, читатель, и вы убѣдитесь, что въ этой поговоркѣ звучитъ великая истина, удивительно вѣрный взглядъ и на жизнь, и на природу человѣческую.

Мы уже сказали, что въ смѣхѣ народъ не падитъ и себя, ибо нѣтъ лучше шутки, какъ надъ собой; любишь шутку надъ Өомой, такъ люби и надъ собой, а надъ собой мужикъ смѣется такъ: Рускакъ — не дуракъ: поѣсть захочетъ — скажетъ; приѣсть захочетъ — сядетъ. Способенъ ли какойнибудь другой народъ въ мірѣ въ такихъ словахъ посмѣяться надъ собой. Любя позубоскалить, давая такое значеніе смѣху въ жизни, ибо вѣкъ на смѣху живетъ, русскій человѣкъ въ то же время помнить, что шутки пошучивать — на себя плетъ покручивать; шути, да оглядывайся; шути надъ другимъ—пока краска въ лице не вступила.

Зубоскалитъ губернія надъ губерніею; зубоскалятъ бурлаки съ мимоидущихъ судовъ, солдатики другъ надъ другомъ, артели одна надъ другой; зубоскалитъ вся Русь безобидно, безъ сердца, для

того только, чтобы душу отвести и полегче жить на бѣломъ свѣтѣ. Не пропускаетъ русскій человѣкъ безъ пересмѣшки, и пересмѣшки мѣткой, сколько нибудь выдающагося недостатка своего брата. Особенно здорово достается пустоголовому щеголю, по — нашему, по-образованному, фату. Живетъ этотъ фатъ и въ крестьянскомъ быту. Крестьянинъ хорошо знаетъ его и крѣпко клеймитъ: дома щи безъ крупъ, въ людяхъ шапка въ рубль; пусть карманъ, да синь кафтанъ; масляна головка—отцу, матери не кормилецъ. Немало такихъ масляныхъ головокъ и въ нашей средѣ, читатель, про которыя можно сказать: щеголь—матрешка, полтора рубля застежка. Несказанная прелесть этотъ щеголь — матрешка: не мужчина, дескать, такой человѣкъ, для котораго вся цѣль жизни — красивое платье. Матрешка такой мужчина, баба. Ничего не стоитъ наше понятіе, выраженное въ словѣ фатъ, противъ этой мужицкой матрешки.

Не прошли мимо мужика и другіе присущіе ему самому недостатки. Онъ, напимѣръ, знаетъ, что много могъ бы подѣлать разныхъ дѣловъ, если бы не пришла лѣнь изъ семи деревень; Тить, поди молотить!—Спина болитъ.—Тить, пойдѣмъ вино пить!—Дай кафтаниска захватить; эхъ, какъ бы мужикъ на печи не лежалъ, корабли бы за море снаряжалъ; у Бога дней впереди много: нарабotaемъ; замерзла тетка, на печи лежа (свинья дверь растворила, а ей лѣнь было сойдти да притворить). Какъ ни мечи — а лучше на печи: отъ бездѣлья и то рукодѣлье; пилося бы да ѣлось, да работа на умъ не шла.

Если судить по множеству пословицъ и поговорокъ, такъ сказать, прославляющихъ лѣнь, въ родѣ, напимѣръ, слѣдующей: Господи, Господи! до обѣда проспали, встали да обѣдать стали; наѣлись, помолились да спать повалились, то можно придти къ заключенію, что праздность обычное препровожденіе времени простаго русскаго человѣка; но жизнь доказываетъ противное: много, много работаетъ нашъ мужикъ. Нельзя оспаривать, что въ натурѣ кореннаго русскаго человѣка лежитъ склонность къ лѣни, которая и выразилась въ пословицахъ и поговоркахъ, однако, обстоятельства, исторія, въ своемъ теченіи, заставляютъ двигаться волей-неволей. Имѣется поговорка, доказывающая, что и въ далекой древности наши предки посмѣивались сами надъ собой, т. е. надъ своею склонностью къ лѣни: Изъ лука — не мы; изъ пищали — не мы, а попить, поплясать — противъ насъ не сыскать.

Лукъ и пищаль ясно указываютъ на древнее происхожденіе этой поговорки. Зубоскалить городъ надъ городомъ; переходить это пересмѣиваніе отъ отцовъ къ дѣтямъ, отъ нихъ къ внукамъ. Не пересчитаешь всѣхъ присловій, какъ называетъ эти пересмѣшки на-

рѳдъ: Ты чей молодець?—Зубчевскій купецъ.—А гдѣ былъ?— Въ Москвѣ по міру ходилъ; у насъ во Владимірѣ много угодья: отъ Москвы два девяносто, да изъ Клязьмы воду пей; въ Суздаля да въ Муромѣ Богу помолиться, въ Вязникахъ погулять, въ Шуѣ напиться; ярославцы—кукушкины дѣти (мужики мало дома живутъ); (они же) Спаса на воротахъ продали; пошехонцы — слѣпороды, въ трехъ соснахъ заблудились; за семь верстъ комара искали, а комаръ на носу; на сосну лазили Москву смотрѣть; я слушаю: кто свищетъ?—ахъ это у меня въ носу; ноги перепутали, когда спать легли (съ краю не ложатся, а всѣ въ средину).

О пошехонцахъ и ихъ похожденияхъ существуетъ книга Березайскаго, въ первый разъ изданная въ 1798 и составляющая въ настоящее время, какъ оказалось по наведеннымъ мною справкамъ, величайшую библиографическую рѣдкость. Всѣ рассказы о похожденияхъ пошехонцевъ очень остроумны и проникнуты самымъ безобиднымъ юморомъ.

Знаетъ народъ, что раскинулась Москва больно далеко и широко, и потому шутить надъ ней слѣдующимъ образомъ: за Яузой, на Арбатѣ, на Воронцовскомъ полѣ, близъ Вшивой горки, на Петровкѣ, не доходя Покровки. За Серпуховскими воротами, позади Якиманской, не доходя Мѣщанской, въ Кожевникахъ, прошедши Котельниковъ, въ Кисловкѣ подъ Дѣвичьимъ, въ Гончарахъ, на трехъ горахъ, въ самыхъ Пушкинахъ, на Лубянкѣ, на самой Полянкѣ и проч. Или: у всѣхъ святыхъ на Кулижкахъ, что въ Кожаховѣ, за Пречистенскими вороты, въ Тверской Ямской слободѣ, не доходя Таганки, на Ваганкѣ, въ малыхъ Лужникахъ, что въ Гончарахъ, на В аргунихъ, у Николы въ Толмачахъ, на трехъ горахъ. Въ насмѣшкахъ города надъ городомъ сохранилось немало такихъ указаній, которыя имѣютъ вѣрную историческую основу; мы уже не говоримъ про Москву, о которой существуетъ много подобныхъ исторически вѣрныхъ присловій, но даже по отношенію маленькихъ городовъ, мѣстечекъ, живутъ въ народѣ подобныя присловья: Кинешма да Рѣшма кутить да мутить, а Сологда убытки платить (Сологда лежитъ между Кинешмой и Рѣшмой, которыя въ старину были въ постоянныхъ враждебныхъ отношеніяхъ); Буй да Кудуй чортъ три года искалъ, а Буй да Кудуй у воротъ стоялъ (татары искали Буй, чтобъ раззорить его, но не нашли къ нему дороги); холмогорцы — заугольники (изъ-за угловъ смотрѣли на царя Петра, когда онъ пріѣзжалъ къ нимъ, ибо они боялись за свой расколъ); вятичи—слѣпороды (устюжане пришли къ нимъ на помощь, а вятичи сочли ихъ за непріятеля и стали бить—историческій фактъ); они же — ротозѣи (новгородцы подпустили подъ болванскій городокъ (село Никулицыно) болвановъ

на плотахъ, вятичи зазѣвались на нихъ, а новгородцы съ другой стороны взяли городокъ); бей челомъ на Тулѣ, ищи на Москвѣ (прямое указаніе на старыя, близкія отношенія между Москвой и Сѣверской землей, въ составъ которой, кромѣ Курска, Орла, вошла и Тула. Сѣверская земля — воровская земля: нѣтъ у Бѣлаго Царя вора супротивъ курянина; орловцы — проломленные головы, Орель да Кромы — первые воры).

Не надобно забывать, что всѣ эти присловья, не исключая имѣющихъ историческую основу, живутъ цѣлые вѣка, переходя изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Мнѣ случалось встрѣчать 8-ми—9-тилѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей, которыя твердо знали пересмѣшку, обращаемую къ нимъ другими. Замѣтимъ также, что дѣленіе на губерніи не имѣетъ рѣшительно никакого значенія въ распространеніи и распредѣленіи пересмѣшекъ. Таковое распространеніе держится исключительно на древнемъ историческомъ дѣленіи на области и княжества. Съ этой-то точки зрѣнія изученіе присловій и представляетъ большой интересъ именно историческій. Мало того, существуютъ пересмѣшки, опредѣляющія древніе промыслы и занятія жителей, каковыя промыслы неизмѣнно существуютъ до сей поры, что можетъ быть предметомъ отдѣльной статьи или отдѣльнаго изслѣдованія. Присловья, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не дѣйствуютъ раздражающимъ образомъ; скажемъ болѣе, они въ извѣстныхъ случаяхъ умиротворяютъ, успокоиваютъ раздраженное чувство, въ доказательство чего приведу слѣдующій фактъ изъ своихъ странствованій по Россіи: немало лѣтъ тому назадъ, мнѣ привелось ѣздить по Рязанской губерніи, въ которой я знакомился съ различными учебными заведеніями. Дѣло было зимой. По дорогѣ изъ Рязани въ богоспасаемый градъ Спасскъ встрѣтились мнѣ обозники, ѣхавшіе по самой срединѣ пути, такъ что моимъ лошадямъ приводилось поворотить въ огромный сугробъ, между тѣмъ какъ со стороны возчиковъ оставалось пространство совершенно свободное, торное. Стоило немного повернуть первую лошадь, и обозъ освободилъ бы намъ мѣсто на столько, что мы могли бы проѣхать, не рискуя завязнуть въ снѣгу. Конечно, началась ругань какъ со стороны моего ямщика, такъ и со стороны возчиковъ. Рязанцы — народъ суровый, что мнѣ было извѣстно очень хорошо изъ прежнихъ поѣздокъ, о чемъ даже пишетъ московскій лѣтописецъ XIV вѣка: «Рязанцы, — говоритъ онъ, — люди сурови, свирѣпи, високоумни, горди, чаятельны, вознесшеся умомъ и возгордѣвшеся ведичаніемъ и помыслиша въ високоуміи своемъ мало умныя и безумныя людища, аки чудища». Такой взглядъ лѣтописца совершенно объясняется исторіею Рязани, ея пограничнымъ положеніемъ въ начальное время съ татарскими владѣніями, вслѣдствіе чего Рязань первая принимала удары татаръ. Она была важнымъ сторожевымъ постомъ со стороны упо-

манутыхъ степныхъ кочевниковъ. Боевой духъ сдѣлалъ свое дѣло. Въ самомъ тигѣ лицъ рязанцевъ много дикаго, татарскаго, что, конечно, произошло отъ брачныхъ связей, неизбежно возникавшихъ отъ близкихъ сношеній двухъ національностей. Не даромъ любимая поговорка рязанцевъ такова: галдѣть, такъ галдѣть вмѣстѣ, а одинъ сгинешъ. Съ этими то чудищами, какъ ихъ называетъ лѣтописецъ, мнѣ и пришлось имѣть дѣло. Вставъ въ повозкѣ, я обратился къ нимъ съ такою рѣчью: «Ахъ, вы, такіе-сякіе! думаете, что вы изъ пузатой стороны (хлѣбъ хорошо родится), синѣбрюхіе (носятъ синія рубашки), кособрюхіе, мѣшкомъ солнце ловили, блинами острогъ конопатили, то вамъ и чортъ не братъ! Смотрите, не просчитайтесь! Давайте дорогу! Ваша половина и моя половина». Не успѣлъ я кончить своихъ словъ, какъ мои чудища стали улыбаться, ругань съ обѣихъ сторонъ, точно по колдовству, мгновенно прекратилась, шапки приподнялись и руки полѣзли въ затылки, а затѣмъ раздался голоса: — Ну, баринъ, ай да баринъ! такъ и сыплеть! Откуда только набралъ! А все вѣрно, такъ, значить, такъ! — Эй, Ванюха! — крикнулъ кто-то: — тронь передовую! Черезъ нѣсколько минутъ мѣсто было очищено, и я безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній выбрался на дорогу.

Изъ всего нами до сей поры сказаннаго, смѣемъ думать, ясно слѣдуетъ, что Господь Богъ не обдѣлилъ умомъ нашего сѣряка, ясно слѣдуетъ, что онъ способенъ смекать кое-что, пожалуй, не хуже и нашего брата, учившагося много лѣтъ разнымъ наукамъ. Вотъ потому-то, что сѣрякъ уменъ, онъ и даетъ такое значеніе уму; потому-то онъ и понимаетъ все великое вліяніе ума на ходъ человѣческихъ событій. Иначе не сказалъ бы, что сила—уму могила, что сила умъ ломаеть; при этомъ прибавляетъ, что умъ любитъ просторъ, его городьбой не обгородишь; не копьемъ побиваютъ, а умомъ. Выводъ прямой: до такихъ думъ надо было додуматься путемъ наблюденій надъ жизнью и ея явленіями. Не все же, значить, сѣрякъ на печи лежалъ да спалъ. Спалъ, не спалъ, а кое-что видѣлъ и подмѣтилъ: печальная исторія его жизни многому научила его. Доработался онъ мыслью до того убѣжденія, что больше думать, то хуже; много думать—голову кружить; дума—что борода: лишняя тягота. Да, читатель, истина святая: чѣмъ больше думать, тѣмъ хуже. Додумаешься, Богъ знаетъ, до какихъ премудростей, которымъ и не радъ будешь. Впрочемъ, народъ полагаетъ, что ума на святую Русь отпущено Господомъ Богомъ неособенно много, ибо говорить, что у насъ, на святой Руси, дураковъ, слава Богу, на сто лѣтъ припасено, слѣдовательно, нѣтъ основанія бояться бѣды отъ ума. Вѣрно, читатель, что съ умомъ жить—мучиться, а безъ ума жить—тѣшиться. Какъ хорошо и вѣрно это выраженіе—тѣшиться! Дѣйствительно, жизнь безъ размысленій, безъ анализа ея явленій—

дѣло легкое, забава, потѣха. Будемъ же лучше тѣшиться, ибо что за радость мучиться.

Въ заключеніе напомнимъ, что не всякая поговорка для нашего Егорки, т. е. народъ убѣжденъ, что иной поговорки иной Егорка и не разбереть, что на пословицу что на дурака суда нѣтъ, только глупая рѣчь не пословица; ну, а мы привели рѣчи не глупыя и хорошо знаемъ, что не всякая пословица при всякомъ молвится; иная пословица не для Ивана Петровича. Писали мы не для чего иного, какъ лишь для прочаго такого; а если лучше чего, такъ больше ничего, вотъ только и всего.

Не я, читатель, авторъ настоящей статьи, играю словами и шучу въ этой прибауткѣ. Народъ шутить, доказывая своими прибаутками, что онъ, по складу своего ума, способенъ проявляться наипробразнѣйшимъ способомъ. Давно извѣстно, что нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ народности, съ которой русскій человѣкъ совершенно не освоился бы.

Глубокомысленный нѣмецъ долженъ признать его своимъ по глубокомыслию; легкій французъ своимъ по живости и подвижности. Хорошее, или плохое это свойство нашей природы? Мы думаемъ, что, если оно дѣйствительно присуще намъ, то слѣдовательно такъ быть должно и слѣдовательно нѣтъ нужды анализировать, худо ли оно, или хорошо.

И. Бѣловъ.

